

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
Факультет политических наук
Кафедра религиоведения и теологии
Лаборатория этнокультурных и религиоведческих исследований
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
Музей археологии и этнографии Сибири

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК IV

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2010

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
канд. ист. наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия:
докт. ист. наук *Л.Н. Ермоленко*; докт. культурологии *Л.С. Марсадолов*;
канд. ист. наук *Ю.И. Ожередов*; докт. ист. наук *Т.Д. Скрынникова*;
докт. филос. наук *О.М. Хомушко*; докт. ист. наук *Л.И. Шерстова*;
докт. ист. наук *С.А. Яценко*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Азбука, 2010. – Вып. IV. – 376 с.
ISBN 978-5-93957-433-4

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/Г, тема «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая») и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект 2010-1.1-303-124-031 «Культурный капитал как условие и фактор инновационного развития Западной Сибири»)

ISBN 978-5-93957-433-4

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	
<i>Вертиенко А.В.</i> К проблеме семантики горита и стрел в представлениях ираноязычных номадов Евразии	8
<i>Коников Б.А.</i> Конь в культуре и искусстве средневекового населения Омского Прииртышья, Южной Сибири и Казахстана: общее и особенное	24
<i>Марсадолова Т.Л.</i> Художественный образ ангела: от первобытности к средневековью	39
<i>Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч.</i> Археологический комплекс на перевале Давдаг-кутул в Западной Монголии	54
<i>Серегин Н.Н.</i> К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры)	78
<i>Сериков Ю.Б.</i> Человеческие жертвоприношения на культовых памятниках Урала	83
<i>Симонова И.Л.</i> «Когда на небе светили три солнца». (опыт реконструкции мифологического сюжета)	102
<i>Суразаков А.С.</i> Образы прародительниц в петроглифах Куюса ..	110
<i>Татаурова Л.В., Кромм И.Д.</i> Ставрографические материалы как источник по изучению культового медного литья у русских и христианизация аборигенов Сибири	115
<i>Ярков А.П.</i> К вопросу о месте ислама в Южной Сибири в раннее средневековье	126
II. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
<i>Амоголонова Д.Д.</i> Возвращение Хамбо Ламы Итигэлова в контексте бурятского этнокультурного возрождения	140
<i>Бурнаков В.А.</i> К вопросу о культе орла у хакасов	153
<i>Головизнин М.В.</i> «Нарышкинские» храмовые постройки Татарстана. Булгарско-среднеазиатский след?	164
<i>Дашковский П.К., Цэдэв Н., Шершнева Е.А.</i> Некоторые особенности этноконфессиональной ситуации в Баян-Ульгийском аймаке Монголии	180
<i>Жуков А.В.</i> Этнические, гражданские и конфессиональные предпочтения агинских бурят	187
<i>Немых А.П.</i> Ритуальная градация киргизского прикладного творчества	196
<i>Николаева Д.А.</i> Архаические воззрения бурят конца XIX – начала XX в. на женское шаманство	203

<i>Осмонова Н.И.</i> Имя как миф и символ человека традиционного общества кочевников	215
<i>Останин В.В.</i> Естественные памятники ведической цивилизации на Алтае	222
<i>Прохорова Н.А.</i> Культовые сооружения как памятники материальной культуры кыргызского народа	231
<i>Рахно К.Ю.</i> Теппоральные структуры в украинских мифологических сюжетах о гончарах (особенности архаического восприятия праздничного времени)	240
<i>Сивцев И.С.</i> Праздник Ысыях в традиционной культуре народа Саха	250
<i>Сивцева С.И.</i> Некоторые черты шаманской мифологии	255
<i>Шершнева Е.А.</i> Взаимоотношение мусульман с Русской православной церковью в XIX в. на Алтае.....	264
<i>Шкурко Н.С.</i> Влияние этноконфессионального фактора на политические процессы в регионе (на примере Республики Саха (Я))	273

III. ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДОВ В ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

<i>Бакиров А.А.</i> Вооружение и военная тактика киргизских воинов (на примере героического эпоса «Манас»).....	290
<i>Гуцуляк О.Б.</i> Развитие евразийского мифологического образа гер/Кер Кер-оглы – сына могилы и правителя страны Чамбули Мастоу	297
<i>Егорочкин М.В.</i> Погребальное исполнение героического эпоса у тюрков Южной Сибири.....	315
<i>Кожобекова А.Ш.</i> Специфика пространственно-временного мифоэпического контекста пути у киргизских номадов (на материале малого кыргызского эпоса «Кожожаш»)	325
<i>Конунов А.А.</i> Отражение культа гор в алтайских героических сказаниях	335
<i>Новрузова Н.С.</i> Миссия имянаречения в эпическом памятнике огузских тюрков «Деде Коргуд»	341
<i>Нургалиева А.Б.</i> Демонические существа в мифологической прозе	348
<i>Русакова М.В.</i> Взаимосвязи древнеиранской мифологии и фольклора восточных славян	353
<i>Эшимбекова Н.С.</i> Мифопоэтическая традиция кыргызов	361
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	369
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	370

Б.А. Кони́ков

Музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, г. Омск

**КОНЬ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ
СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОГО
ПРИИРТЫШЬЯ, ЮЖНОЙ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

О роли коня в культуре и искусстве народов Южной, Средней и Центральной Азии написано множество научных и научно-популярных книг. Библиография же статей по этой теме безгранична (Кузьмина Е.Е. 1977а; 1977б; Нестеров С.П., 1990; Ткаченко И.Д., 2009). Значительно меньше внимания уделено роли коня у древних и средневековых народов Западной Сибири. В частности, нет ни одной обобщающей работы, в которой на материалах археологии, исторической этнографии и палеостеологии были бы подведены определенные итоги изучения места животного в хозяйстве, военном деле, верованиях и искусстве западносибирского населения. Небольшие сюжеты в монографиях и специальные статьи дают лишь фрагментарную картину той поистине выдающейся роли, какую это животное сыграло в истории коренных народов Западной Сибири, начиная, по крайней мере, с эпохи раннего железного века.

В данной статье ставится цель кратко охарактеризовать место и роль коня в средневековой истории и искусстве Омского Прииртышья и проследить общее и особенное с Южной Сибирью и Казахстаном в этой сфере. В ней рассматриваются материалы только раннего и развитого средневековья, т.е. V – первой трети XIV в.

В настоящее время есть основания полагать, что знакомство с конем у населения Омского Прииртышья произошло в раннем бронзовом веке. На ряде поселений екатерининской культуры из южно-таежного Прииртышья откопаны кости лошади (Петров А.И., 1980). Следует принять во внимание, что екатерининское население поддерживало контакты с ботайцами, которые уже в энеолите одомашнили лошадь, более того, коневодство у них играло приоритетную роль в хозяйстве (Зайберт В.Ф., 2009). Расстояние между ботайцами и екатерининцами составляло около 300–400 км, их соединяла ишима – иртышская речная система с разработанной долиной.

К эпохе развитой бронзы относится легендарная сцена «конный лыжник» на рукояти бронзового ножа из могильника Ростовка вблизи Омска (Синицына Г.В., Матющенко В.И., 1988). Изображение

коней на золотой серьге примерно тогда же появляется и в Казахстане (Семенов В.А., 2008, с. 419). В эпоху поздней бронзы коневодство в лесостепном Прииртышье не только один из основных поставщиков пищи, здесь конь и верховое животное (Членова Н.Л., 1994).

В раннем железном веке Омского Прииртышья, в частности у населения саргатской культурно-исторической общности, лошадь лидирует в стаде, черепа и кости ее скелета встречаются в курганах, будучи туда положенными, в том числе и с ритуальными целями (Степная полоса Азиатской части..., 1992, с. 306). Кроме того, в саргатских курганах, в виде исключения, отмечены сопогребения коней с умершими людьми (Степная полоса Азиатской части..., 1992, с. 301). К этой же эпохе относится высокохудожественный каменный жезл с изображением конской головы с гипертрофированной гривой (Ченченкова О.П., 2004, с. 129), и глиняная полая скульптура с поселения Новотроицкое-I (Труфанов А.Я., 1983). Причем опять-таки изображения конских голов в это время бытуют и на юге, в скифо-сарматском обществе (Кузьмина Е.А., 2002, с. 48). О существовании культа коня у северных современников саргатцев – богочановского населения южно-таежного Прииртышья – свидетельствует находка костяной подвески с конской головой на длинной шее в кургане №4 Кипы-III (Коников Б.А., 1993, рис. 27.-2). Любопытно, что в Южной Сибири, в одном из погребений могильника Березовка-I, обнаружено скульптурное изображение конской головы из рога, близкое по иконографии кипской находке, датируемое ранним железным веком (Полтарацкая В.Н., 1961, рис. 5.-2).

Итак, на протяжении эпохи раннего металла – раннего железного века образ коня в близкой иконографии, но в разных материалах присутствовал в культуре и искусстве Омского Прииртышья, Казахстана, Южной Сибири и Центральной Азии.

В эпоху раннего средневековья (вторая половина I тыс.н.э.) южные районы Омского Прииртышья находились в орбите влияния тюркских каганатов. Более того, есть основание полагать, что степная долина Иртыша с широкой заливной поймой и множеством пресных озер была прочно обжита кочевниками. В пользу этого свидетельствуют многочисленные курганные могильники по берегам степных озер, уцелевшие после целинной эпопеи (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, рис. 1; Коников Б.А., 2007, рис. 3). Факт присутствия в лесостепном Прииртышье погребений человека

с конем подтвержден недавним его открытием на территории современного Омска (Матвеев А., Михалев В., Сафаров М., 2005).

Вместе с материалами Рамантеевки, Изылбаша, Соляного, где отмечены захоронения человека в сопровождении коня и/или деталей конской упряжи, «омское погребение» свидетельствует о вхождении степного Прииртышья в активно эксплуатируемое пространство тюркских каганатов, а затем и их наследников.

Вместе с тем влияние тюркского комплекса, связанного с конем, в раннем средневековье испытали и северные – лесостепные и южно-таежные – группы населения, входившие в состав потчевашской культуры. В грунтовом могильнике Окунево-III на р. Таре, правый приток Иртыша, найдено железное 8-образное стремя и бронзовые детали поясного набора, аналогичные тюркским. Но ни одно из исследованных окуневских погребений не содержало останков коня. Только в межмогильном пространстве памятника откопана челюсть лошади, на которой стояли два глиняных горшка потчевашского облика (Могильников В.А., Конилов Б.А., 1983, рис. 4, 6; Конилов Б.А., 2007, рис. 154). Железные стремена с пластинчатой петлей и двухкольчатые удила с s-видными псалиями обнаружены на Мурлинском городище позднее – потчевашского времени в Тарском р-не Омской обл. (Скандаков И.Е., 1988, рис. 2, 9, 10).

Бросается в глаза черта, отсутствующая у тюрко-язычных кочевников Южной Сибири и Казахстана. Окуневское стремя сопровождало погребение по обряду трупосожжения в единственном числе.

В раннем средневековье не прервалась и традиция изготавливать изображения коней (рис. 1). Их глиняные фигурки встречены на поселениях Потчеваша (Паново-II в Усть-Ишимском р-не Омской обл.). Назначение скульптур исследователи (В.И. Мошинская, В.И. Молодин, В.С. Елагин и др.) истолковывают по-разному: игрушки, предметы почитания или культа. Таким образом, вопрос об их назначении пока открыт.

Значительно больше свидетельств о роли и особом отношении к коню у населения эпохи развитого средневековья, которое объединяется понятием «усть-ишимская культура» (Конилов Б.А., 2007). Во-первых, возросла роль животного в стаде. Культурный слой ряда по-

Рис. 1. Скульптура коня. Глина. Паново-II

селений и городищ буквально «нашпигован» костями лошадей (Верхнее Аксеново-II; Кипо-Кулары-III). На поселении Кипо-Кулары-III в Тевризском р-не Омской области, помимо множества расколотых костей лошади, изучены остатки святилища, где представлено значительное количество черепов, челюстей и зубов животного (Коников Б.А., 2007, рис. 283–284).

Во-вторых, не менее представительно количество особей коня (черепов, челюстей, зубов, конечностей ног) в курганных могильниках Усть-Ишима. Проиллюстрируем это на примере могильника Кипы-III в Тевризском р-не Омской области. В его 12 исследованных курганах открыты остатки 12 лошадей, 5 – крупного рогатого скота, 3 – мелкого рогатого скота, 4 – собаки и 2 – лося (определения П.А. Косинцева) (Коников Б.А., 2007, с. 153). Преобладающей жертвой лошадь была и в других исследованных курганных могильниках Усть-Ишима – Иванов Мыс-I, Ильчибага-I, Паново-I, Малая Бича-IV, Малая Тебендя-I. Приведем примеры. В насыпи кургана №7 Малая Тебендя-I откопано захоронение жеребенка, у которого отчлененная голова была уложена поверх туловища. По заключению профессора-зоолога Ю.Ф. Юдичева, у животного были стянуты передние и задние ноги, только в таком случае они могли занять искомую позицию (рис. 2). Усть-ишимская культура соотносится с южными хантами. Последние, как известно, практиковали приношение в жертву именно молодых лошадей (Гемуев И.Н., 1990, с. 158).

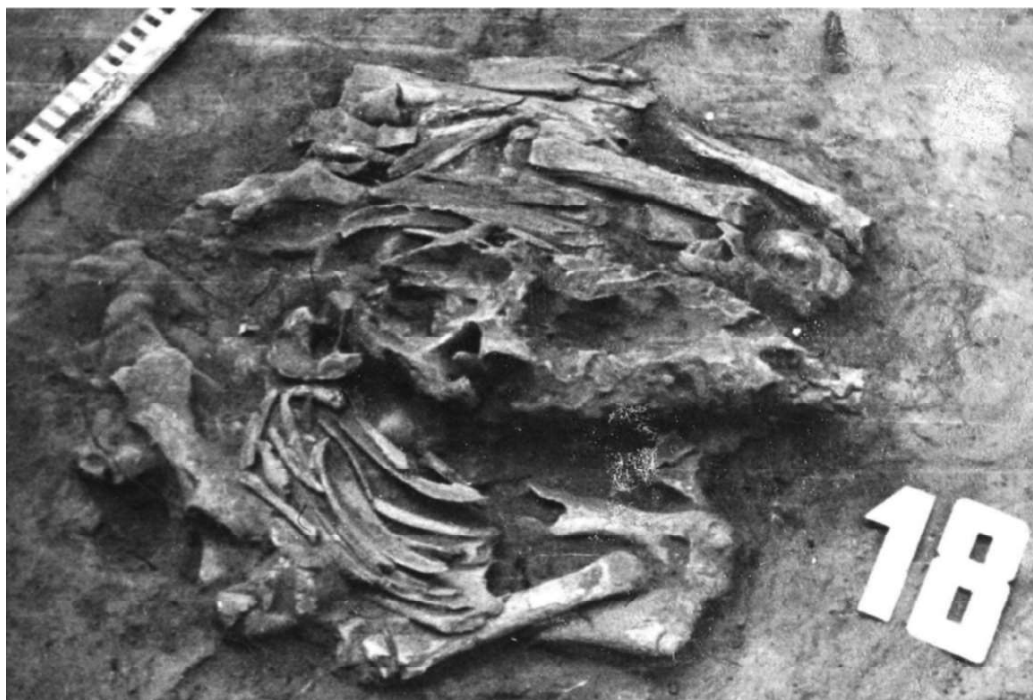

Рис. 2. Захоронение жеребенка. Малая Тебендя-I, курган №7

В юго-западной насыпи кургана №10 Иванов Мыс-I откопан череп лошади, уложенный на подсыпку из материковой глины, рядом с ним лежала обгоревшая жердь. В насыпи кургана №7 Малой Тебенди-I встречены сложенные «горкой» песчаниковые плитки, на которых находились зубы лошади (челюсть?). В насыпи кургана №7 Кипо-Кулары-I Тевризского р-на Омской обл. обследованы две нижние челюсти взрослой лошади, преднамеренно уложенные плашмя, а сверху лежала верхняя часть черепа лошади (рис. 3). В насыпи кургана №14 Усть-Ишим-I расчищено скопление из остатков черепа и челюсти лошади (рис. 4). Под насыпью кургана №10 Иванов Мыс-I обнаружены овальные материковые ямы, в которых лежали челюсти лошади.

Рис. 3. Скопление челюстей и черепа лошади. Кипо-Кулары-I, курган №7

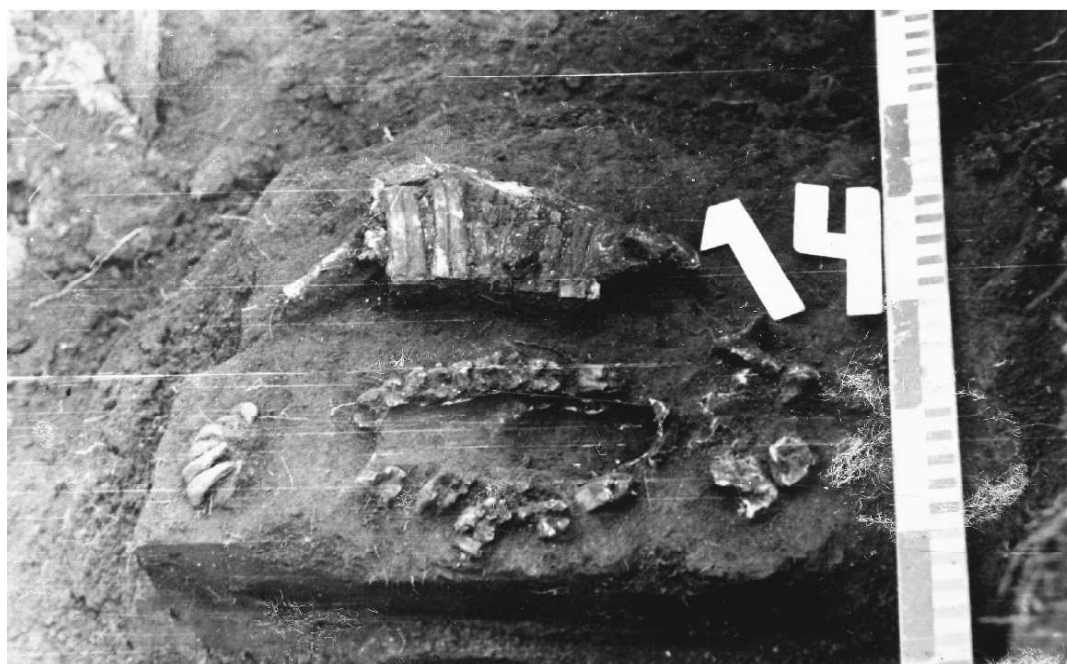

Рис. 4. Скопление черепа, челюстей лошади. Усть-Ишим-I, курган №14

Рис. 5. Зубы лошади. Малая Тебендя-I, курган №7

Отметим еще раз, челюсти в курганах Усть-Ишима имели различное положение. Они могли стоять вертикально и параллельно по отношению друг к другу, жевательной поверхностью зубов вверх, могли лежать плашмя и «крест-накрест», зубы лошади могли быть «разбросаны» на площади примерно 1x1 м (рис. 5).

Откопанные в насыпи, на древней поверхности, в ямах с дном на уровне материка останки черепов, челюстей и скоплений зубов лошади ни разу не сопровождалась металлическими деталями конской уздечки. Таким образом, мы вправе рассматривать все остатки черепов и костей лошади в курганах Усть-Ишима как свидетельства жертвоприношений. По мнению С.П. Нестерова (1990, с. 84, 91), эти свидетельства не являлись отражением культа коня. Детали конского снаряжения (стремена, удила) из погребений Усть-Ишима лишь подтверждают тезис о том, что они предназначались для убитого возле могилы коня.

Практика приношения в жертву коня была характерна для средневекового населения многих территорий. И Омское Прииртышье было только одной из них.

Пока в Омском Прииртышье неизвестны случаи сопогребения представителей местной культуры с конем. Более того, местное население не помещало в усть-ишимские могилы части туши животного (мы не исключаем возможности, что вместе с умершим человеком могли класть такие части туши, которые не оставили после себя материальных следов). Показательно погребение всад-

ника в кургане №13 Кипы-III. Здесь под одной насыпью, в параллельных материковых ямах, разделенных земляной перегородкой, находилось два погребения: мужское и женское. Мужское захоронения по обряду трупосожжения, с железными наконечником копья, стременами, бронзовыми распределительными бляшками конской сбруи, женское – по обряду трупоположения, с украшениями и глиняным горшком местного происхождения (Конигов Б.А., Шваан Ф.Д., 1984). В мужскую могилу поместили детали конской амуниции, но коня – не уложили, хотя, по обряду погребения (кремация), умерший принадлежал к иной этнической среде – к южно-сибирским тюрко-язычным кочевникам.

С.П. Нестеров (1990, с. 59) указывает на существование у тюрко-язычного населения трех форм сопогребения коня с умершим: погребение в могилу целой лошади; помещение в могилу шкуры лошади, черепа или костей ног; погребение умершего с конским снаряжением. Далее он отмечает, что обычай класть в могилу умершему конское снаряжение в эпоху средневековья был характерен для народов Южной Сибири (кыргызов, уйгуров) и Центральной Азии (населения Тувы) (Нестеров С.П., 1990, с. 59).

Там встречены такие детали конского убранства, как железные стремена, удила, подпружные пряжки, детали седла, уздечки, путы. В местных захоронениях пока не встречены детали седла, уздечки, нет здесь пут. Хотя последние откопаны на поселениях и городищах (рис. 6). Однако нет уверенности в том, что этот обычай пришел в Омское Прииртышье из Южной Сибири или Центральной Азии. У населения раннего железного века Омского Прииртышья предметы конского снаряжения (удила, псалии, бляхи-украшения сбруи) представлены в погребениях на протяжении всего времени его существования (Степная полоса Азиатской части..., 1992, с. 303).

Среди предметов конского убранства Омского Прииртышья относительно большое количество железных стремян и удил (рис. 7).

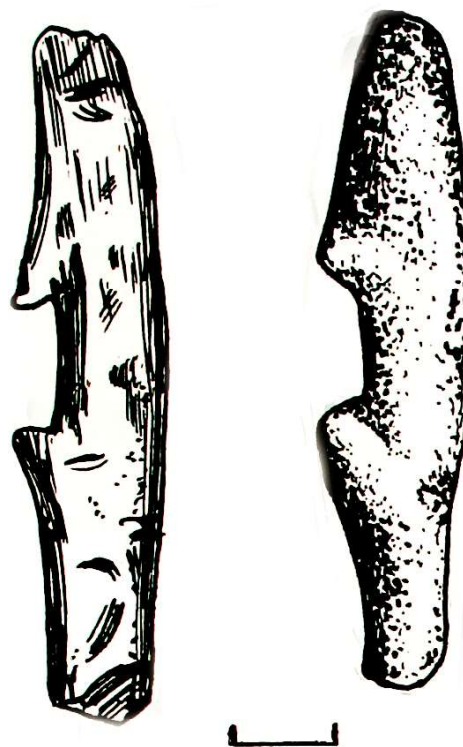

Рис. 6. Путы. *Кость*. Кипо-Кулары-III, поселение

Они встречаются парно (Усть-Ишим-I, курган №13, насыпь) или в одном экземпляре (Иванов Мыс-I, курган №10, погребение №3). К размещению в погребении одного стремя прибежало и население Потчеваша (Могильников В.А., Конилов Б.А., 1983, рис. 4, 6).

Нетрудно увидеть точную кальку прииртышских стремян с аналогичных изделий Южной Сибири, Алтая и Казахстана. Причем, как показывает нахождение разнотипных стремян в составе одного и того же курганного могильника (Усть-Ишим-I), имело место хронологическое сосуществование разных типов стремян.

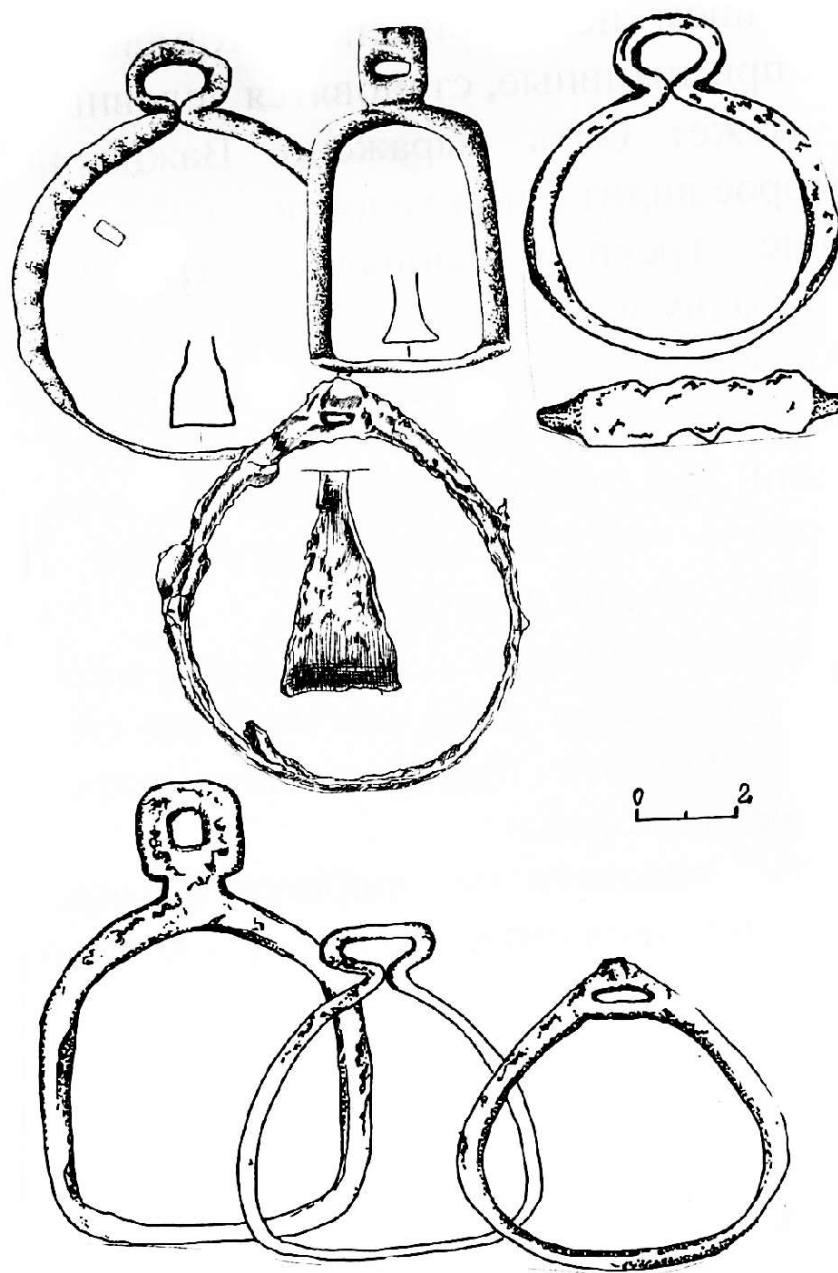

Рис. 7. Усть-Ишимская культура. Стремена. Железо

Между тем в Южной Сибири, Казахстане, как и в Древней Руси, шел постоянный процесс смены типов стремян в хронологическом порядке (Худяков Ю.С., 1980; Кирпичников А.Н., 1973). Проблема сосуществования разных типов привозных/изготовленных на месте по привозным образцам железных стремян на территории Омского Прииртышья имеет несколько решений. Однако нас в данном случае интересует то, что местное население стремилось приспособить стремена к местным верованиям. В частности, в этих целях были изготовлены биметаллические стремена из кургана №13 Усть-Ишим-I. Их бронзовая петля оформлена в виде головы ушастого филина (рис. 8) (Конигов Б.А., 2007, рис. 261).

Известные к настоящему времени железные удила однокольчатые, практически все происходят из могильников, будучи положенными в могилы (рис. 9). Только одни удила обнаружены в заполнении жилища №21 Конашовки-III (Конигов Б.А., 2007, с. 56–57).

Рис. 8. Стремена. Деталь. Петля и верхняя часть дужки.
Бронза. Усть-Ишим I, курган №13

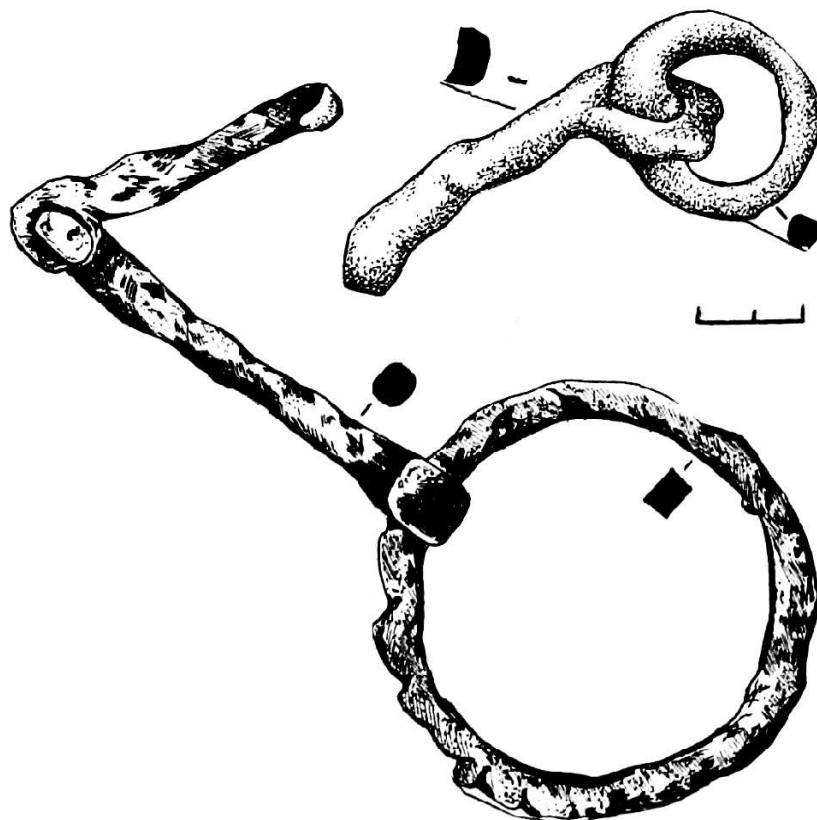

Рис. 9. Усть-ишимская культура. Удила. Железо

К деталям конского убора относятся бронзовые бляхи – распределители ремней. Они представлены несколькими типами (рис. 10). К сожалению, растительный и зооморфный (?) орнамент на некоторых из них, в силу деформации предметов в земле, воссоздан не точно. Аналогии бляхам известны в тюхтятской культуре (Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, рис. 37.-1) и у тюрков Саяно-Алтая (Степи Евразии в эпоху средневековья..., 1981, рис. 16, 24).

В материальной культуре Усть-Ишима представлено значительное количество бронзовых деталей, которые мы соотносим с поясными наборами (Коников Б.А., 2007, с. 187–188). Совершенно аналогичные бляшки и наконечники ремня, опубликованные алтайскими учеными, рассматриваются ими как детали убора конской амуниции (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004). Между тем пока нет оснований связывать эти находки с украшением амуниции, потому что в своем большинстве они обнаружены лежащими в области тазовых костей погребенных людей.

В развитом средневековье продолжилась традиция воспроизведения образа коня. Известные к настоящему времени изображения отлиты из цветного металла или вырезаны из кости.

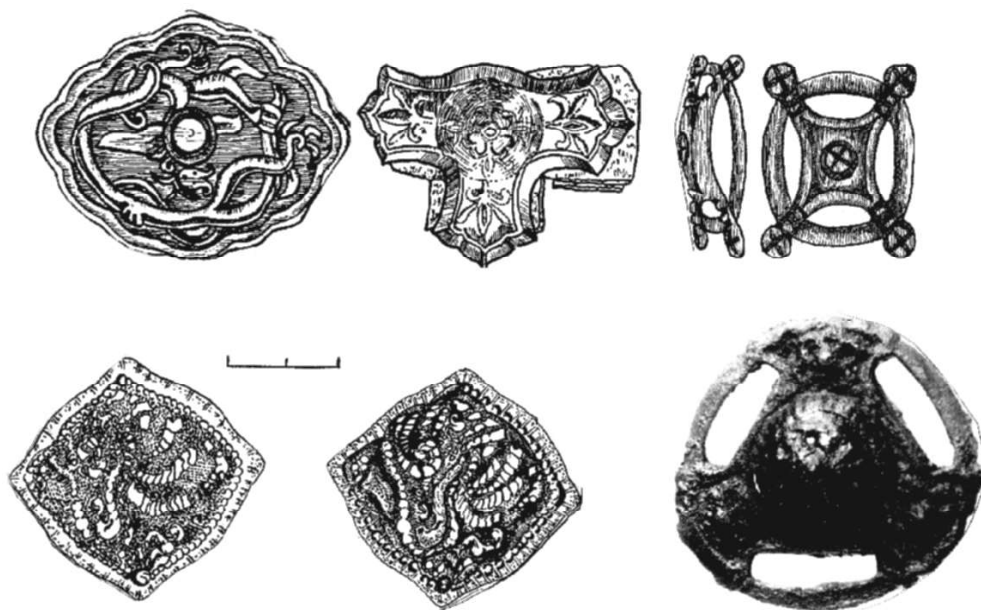

Рис. 10. Бляхи-распределители ремней. *Бронза. Позолота (?)*.
Рамантеевка; Кипы-III (курган №13); Паново-I

Укажем на фигурку конного всадника из Кипо-Кулар-III Тевризского р-на Омской обл. Многие исследователи (И.Н. Гемуев, Н.В. Полосьмак, Н.В. Федорова и др.) уобских угров и их предков отождествляли с образом Мир-Сусне-Хума. Эта бляха – плакетка из белого металла (рис. 11), второе изображение на бронзовом медальоне, привозном с запада, найденном в могильнике Иванов Мыс-I (Гурьянова Г.Г., Конилов Б.А., 1999, рис. 4.-1). Третье изображение всадника встречено на обрывках кожаного (?) изделия из курганов развитого средневековья у д. Решетниково (Тарский р-н Омской обл.), раскопанных во второй половине XIX в. тарскими купцами Малаховыми (Король Г.Г., 2008, табл. 14.-2).

Образ конного всадника часто становился объектом анализа. Отметим, две последние по времени обобщающие работы по поволжско-прикамско-уральским и южно-сибирским плакеткам (Король Г.Г., 2008; Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2010). Это облегчает сопоставление. Между ними очевидные параллели в иконографии, в наличии основания – подставки, в оформлении рук в виде крыльев птицы (?). Однако есть и отличия. Так, на южно-сибирских предметах показаны прическа, вооружение и снаряжение всадника, а также элементы убранства коня (Король Г.Г., 2009, табл. 13). Все это отсутствует на всаднике из Кипо-Кулар-III. Эту бедность убранства западносибирских изображений конных всадников отметила в свое время Н.В. Федорова (Бауло А.В., 2004, с. 86–87). На кипо-куларовской плакетке имеются девять овальных мелких ямок,

очевидно, символизирующих культ небесных светил. Подобная деталь отсутствует как в Южной Сибири (Король Г.Г., 2008, табл. 13), так и к западу и северо-западу от Омского Прииртышья (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2010, рис. 3).

Таким образом, с одной стороны, Омское Прииртышье, вместе с Южной Сибирью, Средним Приобьем, Прикамьем, Северным Кавказом, Прибалтикой, входило в зону распространения металлических изображений конного всадника. С другой стороны, следует учитывать отличия, которые могли иметь как закономерный, так и случайный характер.

Если принять во внимание, что изображения всадника из глины известны в Омском Прииртышье с эпохи раннего средневековья (потчевашская культура), а еще раньше – в развитой бронзе – «конный лыжник», то нельзя исключать глубокие местные корни сюжета.

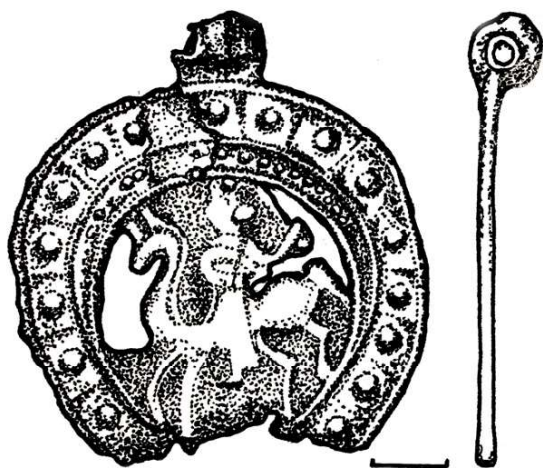

Рис. 11. Всадник на коне.
Белый металл. Кипо-Кулары III,
поселение

Рис. 12. Затыльник рукояти плетки.
Белый металл. Усть-Ишим-I,
курган №13

В искусстве Усть-Ишима встречаются скульптуры конских голов, найденных на поселениях и в курганах. Они миниатюрнее, по сравнению с саргатскими. В одном случае – это затыльник рукояти плетки из могильника Усть-Ишим-I, из белого металла, завершающийся стилизованной, однако хорошо распознаваемой конской головой (рис. 12). Вторая конская голова венчает ручку костяной ложки с поселения Кипо-Кулары-III (рис. 13). Костяное изображение конской головы малой формы на фигурно изогнутой рукояти встречено в бо-

гочановской культуре раннего железного века в южно-таежном Прииртышье (Конигов Б.А., 1993, рис. 27.-3). Интересно, что традиция завершать ручку ложки головой коня зародилась в Центральной Азии еще в XIII–XI вв. до н.э. (Китай) (Семенов В.А., 2008, рис. 52).

Об особой роли коня в это время говорят довольно многочисленные шумящие украшения со щитком из бинарных голов (рис. 14), а также железные кресала с бронзовыми рукоятями в виде бинарных конских голов (рис. 15). Эти изделия западного (прикамского) происхождения, их назначение и семантика хорошо исследованы (Липина Л.И., 2006).

Рис. 13. Ложка. Кость. Кипо-Кулары-III, поселение

Рис. 14. Щиток от шумящей подвески. Белый металл. Усть-Ишим-I, курган №13

Рис. 15. Кресало. Бронза. Железо. Кипы-III, курган №8

Таким образом, краткий обзор роли коня в средневековых культурах и в искусстве Омского Прииртышья, Южной Сибири и Казахстана позволяет прийти к следующим заключениям. Появление коневодства, роль коня в культуре и в искусстве Омского Прииртышья часто шли в унисон и были связаны с событиями, которые имели место в Южной Сибири, Казахстане и Центральной Азии. Не исключено, что культ коня возник в Омском Прииртышье давно, еще в раннем железном веке, но не без влияния с юга, как отмечали это многие исследователи.

В сравниваемых регионах роль животного была исключительно высокой. Этот вывод распространяется на хозяйственную сторону деятельности, а также на использование лошади в качестве верхового животного. Столь же значимым было место коня в мировоззрении населения Омского Прииртышья и сравниваемых южных земель. Различия, вызванные отсутствием в Прииртышье массовых сопогребений коня с человеком, компенсировались наличием деталей конского убранства – стремян и удила в погребениях. Отсутствие костяков или частей коня в захоронениях дополнялось многочисленными фактами жертвоприношения животного, что нашло воплощение в останках черепов, челюстей и конечностей лошади в курганах Усть-Ишима; челюсти – в межмогильном пространстве Потчеваша. Повторимся, каждый из исследованных курганов Усть-Ишима содержал от одного до шести свидетельств жертвоприношений коня.

Представляется, что соседство угорского населения Омского Прииртышья с Южной Сибирью и Казахстаном было мощным стимулом развития коневодства в северных районах, постоянные военные столкновения со степняками способствовали интенсивному использованию лесостепным и южно-таежным населением коня в качестве боевого спутника.

Как видно, что на южных и северных территориях циркулировали одни и те же типы конского снаряжения, но на юге их набор был шире, на севере – уже. Так, в Омском Прииртышье пока неизвестны находки седел или султанчиков эпохи средневековья.

Образ коня представлен в декоративно-прикладном искусстве на протяжении древности и средневековья.

Библиографический список

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Предметы с изображением сюжета «животное/всадник на основании» в культуре средневекового насе-

ления Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2010. №2.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технология изготовления, состав сплавов. Барнаул, 2009.

Гурьянова Г.Г., Конилов Б.А. Комплекс средневековых находок из кургана у деревни Иванов Мыс-1 Тевризского района Омской области // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. Омск, 1999. №7.

Зайберт В.Ф. Ботайская археологическая культура // Труды Центрального музея. Алматы, 2009. Т. II.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973.

Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск, 2007.

Конилов Б.А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв.н.э. Омск, 1993.

Конилов Б.А., Шваан Ф.Д. Исследование кипских курганов (к вопросу о тюркизации) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири. Омск, 1984.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. М.; Кемерово, 2008.

Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М., 1977а.

Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культ коня у ирано-язычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977б.

Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М., 2002.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.

Липина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.

Матвеев А., Михалев В., Сафаров М. Погребения тюркского времени у павильона пригородных сообщений Омского железнодорожного вокзала // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. Омск, 2005.

Могильников В.А., Конилов Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. №2.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюрко-язычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. М., 1990.

Петров А.И. Екатерининский тип керамики на памятниках Среднего Прииртышья (предварительное сообщение) // Археология Прииртышья. Томск, 1980.

Полторацкая В.Н. Могильник Березовка-I // Археологический сборник. Л., 1971. Вып. 3.

Семенов В.А. Первобытное искусство. Каменный век. Бронзовый век. СПб., 2008.

Синицына Г.В., Матющенко В.И. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988.

Скандаков И.Е. Потчевашские жилища на Мурлинском городище // Источники и историография. Археология и история. Омск, 1988.

Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1981.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1992.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железного века и средневековья. Барнаул, 2004.

Ткаченко И. Д. Снаряжение верхового коня у кочевников Сибири и Центральной Азии: опыт историко-этнографического исследования. СПб., 2009.

Труфанов А.Я. Скульптура лошади из Среднего Прииртышья // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987.

Чагаева А.С. Могильники в окрестностях деревни Айткулово Омской области // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 5.

Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. Екатеринбург, 2004.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994.

Т.Л. Марсадолова

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ АНГЕЛА: ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Образ ангела стал одним из «симулякров» современной культуры, сведенным к паре «крылышек», а духовная составляющая этого образа в большинстве случаев или вовсе забывается, или отодвигается на задний план. Всегда ли люди изображали крылатых существ и можно ли их назвать ангелами (от греч. *angelos* – вестник)?